

УДК 343.8
DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.207-219

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ СЫСОВЕВ,
кандидат психологических наук, доцент,
начальник факультета повышения квалификации и первоначальной подготовки,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: sam3110@rambler.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРИОРИТЕТНОЙ ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРЕДСТВАХ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Для цитирования

Сысоев, А. М. К вопросу об определении приоритетной цели уголовно-исполнительно-го законодательства и средствах ее достижения / А. М. Сысоев // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 2. – С. 207–219. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).2.207-219.

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции уголовно-исполнительной политики в целом и пенитенциарной политики в частности как закономерного продолжения развития основных принципов исправительно-трудового права Советского государства, сложившегося в ходе своего эволюционного развития и определившего особенности подхода к исправительно-му воздействию на личность преступника. В ходе анализа современного определения законодателем целей наказания и рассмотрения их соотношения с целями уголовно-исполнительного законодательства отмечается их несовпадение. В связи с этим рассмотрена такая цель наказания, как восстановление социальной справедливости и возможность ее закрепления в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации. В ходе анализа научных источников делается вывод о том, что прямой перенос целей наказания из Уголовного кодекса Российской Федерации в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации не является обоснованным решением. С учетом возникшей в последние годы научной дискуссии о пересмотре целей, достигаемых в процессе исполнения наказания, задач, преследуемых этим процессом, а также его конечной недостижимости в условиях изоляции, определяемых режимом пенитенциарного учреждения, обосновывается отсутствие необходимости выделения в качестве единой цели уголовно-исполнительного законодательства такого направления деятельности, как ресоциализация осужденного. Вместе с тем отмечается высокий потенциал процесса социальной адаптации осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, к условиям жизни после их освобождения при условии определения эффективных средств и методов такой

© Сысоев А. М., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

деятельности – необходимого элемента пенитенциарной практики, направленной на достижение цели специальной превенции. Предлагается рассматривать исправление и ресоциализацию осужденных как два взаимосвязанных процесса, направленных на достижение одной цели – специальной превенции, однако имеющих отличие по своей направленности и преследуемым задачам.

Ключевые слова: цели наказания, уголовно-исполнительная политика, исправление, ресоциализация, общая превенция, частная превенция, лишение свободы.

Механизм принуждения как необходимый институт любой общественной формации во многом определяется особенностями государственного устройства и социально-экономического развития общества и, как следствие, нуждается в регламентации общественных отношений путем установления нормативных предписаний. Исторически сложилось представление, что наказание есть внешнее принуждение, следующее за нарушением правила уголовного закона, субъектом которого является государство и объектом – преступник, а признаком наказания, определенного в санкции уголовного закона, является угроза лишением либо ограничением интересов и прав лиц, к которым оно обращено. Само определение преступного как категории общественной договоренности является социальным фактом, служащим основанием применения мер воздействия, характеризующих негативные последствия такого социально неодобряемого поведения. Необходимость закрепления принуждения в обществе как меры государственного регулирования общественных отношений, а также легитимизации и регламентации механизма принуждения способствовала зарождению уголовного права, которое развивалось как нормативная мера, определяющая содержание и интенсивность вынужденного ответа на деяния, которые были способны приносить личности или обществу вред (в силу его определения в различные исторические периоды) и на основании этого объявлялись крайними формами неприемлемого поведения. При этом сам уголовный закон – это не только регламентирующий устав о наказании, определяющий границы проступка и степень ответственности лица за него, но и регулятор общественных отношений, служащий гарантией обеспечения свободы, защиты личности и ее деятельности.

Учитывая вышеизложенное, представляется закономерным взглянуть на самую сущность наказания и его цели с позиции социологии права, рассмотреть наказание в непосредственной связи с явлениями социальной действительности, общественными ожиданиями и желаемым эффектом от его применения. При этом уместно согласиться с Г. Радбрухом, что «обращение к понятиям цели и целесообразности выводит наказание одновременно за рамки специфической идеи права, справедливости, чтобы оно служило целям государства и общества» [1, с. 180].

Рассматривая наказание с позиции различных взглядов на его сущность и предназначение, мы можем выделить три взаимосвязанных и взаимообусловленных уровня: уровень социальных ожиданий, который определен общественным правосознанием; уровень состояния уголовно-правовой науки, который определен приоритетом охраны общественных отношений, перечнем эффективных видов наказания и иных мер уголовно-правового реагирования на преступные посяательства; уровень уголовной политики, определяемой государством с позиции достижения декларируемых законодателем целей и решения задач в указанной сфере.

Давно установлено, что «вопрос о цели, которую должна преследовать та или иная система мер уголовно-правового принуждения, является вопросом уголовной полити-

ки, представляющей ветвь науки уголовного права, призванную вырабатывать указания для наилучшей постановки в данной стране дела уголовного правосудия как путем социальных реформ, так и путем создания лучшего уголовного законодательства» [2, с. 6]. Вместе с тем очевидно, что цели, преследуемые законодателем при назначении наказания, нашли свое отражение и в уголовно-исполнительном законодательстве.

Рассматривая цели уголовного наказания и понимая УК РФ как основу и материальную базу по отношению к УИК РФ, а также представляя сам процесс исполнения наказаний как реализацию механизма государственного принуждения, логично исходить из теории, что уголовно-исполнительная политика является неотъемлемой частью уголовной политики. В процессе своей эволюции наказание, изначально воспринимаемое как необходимое зло и имевшее ярко выраженный карательный аспект, направленный на причинение физических страданий преступнику путем трансформации взглядов на природу преступности как негативного, но закономерного социального явления и осознания, что преступник является результатом общественного бытия, оказало влияние и на формирование основных положений, принципов и целей современной уголовно-исполнительной политики. Требования экономии уголовной репрессии, уменьшения ее карательной сущности и переход на исправительные начала, выдвинутые еще в XIX в., привели к переосмыслению взглядов на наказание в рамках гуманистического направления и в настоящее время находятся в основании современной модели уголовно-исполнительной политики.

Исследование тенденций развития советского уголовно-исполнительного законодательства и исправительно-трудовой политики позволяет констатировать, что Советское государство, провозглашая доминирование частной превенции, которая достигается путем исправительно-трудового воздействия, в целом рассматривало лиц, осужденных к лишению свободы, как граждан, временно изолированных от общества, которые после отбытия наказания должны вернуться в него. При этом обеспечение превенции достигалось различными средствами и методами: от устрашения наказанием и принудительной изоляцией лица в целях недопущения им совершения преступления до коррекции поведения осужденного путем исправительно-трудового воздействия, что нашло свое отражение в тенденциях исправительно-трудовой политики Советского государства в различные периоды:

1. Несмотря на заявленную в официальных документах первых лет советской власти реализацию идеи «экономии уголовной репрессии», наказание в виде лишения свободы рассматривалось как универсальное средство (эффективная мера социальной защиты), позволяющее не только изолировать лицо в целях недопущения совершения им новых преступлений, но и оказать на осужденного всю специфику карательно-воспитательного воздействия, необходимого для достижения целей наказания. При этом в 1920–1930-е годы доминировал классовый подход к наказанию, который предусматривал более строгие условия для «классово чуждых элементов», что наряду с практикой внедрения системы неопределенных приговоров в первые годы советской власти свидетельствовало о явном приоритете превенции как цели наказания, в которой устрашение наказанием играло важную роль.

2. Ужесточение уголовного законодательства, рост уголовной репрессии привели к наличию большого количества осужденных в местах лишения свободы, а стоящие перед государством социально-экономические задачи обусловили в 1930–1940-е годы развитие так называемого карательно-трудового элемента воздействия, при котором осужденный рассматривался как средство получения прибыли для государства, а сам

воспитательный процесс – как нечто второстепенное, достигаемое в процессе трудового перевоспитания.

3. Пересмотр принципов и приоритетов уголовной политики государства в конце 1950-х – начале 1960-х гг., смена ее ориентиров привели к определению в уголовно-исполнительной политике задачи по исправлению и перевоспитанию осужденных как важнейшего направления деятельности государства, в которой важную роль, помимо организации режима и труда, играла деятельность общественных организаций, в том числе в вопросах социальной реабилитации осужденного после освобождения из ИТУ. Внедрение принципов прогрессивной системы исполнения наказаний, наблюдаемое в ИТК РСФСР 1971 г., свидетельствовало о возвращении к пониманию правонарушителя не как чуждого элемента, требующего изоляции для пресечения преступной деятельности, а как продукта социальной среды, который может быть подвержен социальной коррекции в процессе исполнения наказания. Именно этот подход и находится в основе современной уголовно-исполнительной политики Российского государства. При этом советская исправительно-трудовая политика в указанный период исходила из следующих положений, которые нашли свое отражение и в современной политике государства в данном направлении:

- признание содержанием наказания кары имело важное значение и являлось необходимым элементом защиты общества от преступных посягательств;
- исправление и перевоспитание лиц, совершивших преступления, понималось как превращение осужденных в полезных членов общества, подготовленных к трудовой жизни и соблюдению правил общежития;
- лишение свободы соединялось с мерами исправительно-трудового воздействия, где главенствующая роль принадлежала общественно полезному труду как основному средству исправления и перевоспитания осужденных;
- осужденный рассматривался как субъект не только определенных обязанностей, но и прав;
- реализация исправительно-трудового воздействия привела к постановке закономерно необходимой реализации индивидуализации и дифференциации в процессе исполнения наказания.

После распада Советского государства и отречения от идеологии в духе марксизма-ленинизма новое государственное образование – Российская Федерация встало перед выбором своего развития на построении отношений нового типа, что не могло затронуть и основные направления отечественной уголовной политики. Провозглашая идеи демократизации и либерализации внутренней политики и объявив УК РФ 1996 г. самым гуманным, избегая даже употребления термина «кара» применительно к наказанию, государство по-прежнему продолжало прибегать к лишению свободы как к одному из наиболее широко применяемых видов уголовной репрессии. Высокий уровень преступности в обществе, характерный для эпохи перемен, сиквестирование бюджета в части финансирования деятельности органов и учреждений исполнения наказаний и правоохранительной системы в целом, наложенные на рыночные условия, в которых не мог существовать производственный комплекс исправительных учреждений, вызвали общий кризис не только уголовно-исполнительной системы, но и самой пенитенциарной идеи, заложенной в основе уголовно-исполнительной политики. Появление Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» должно было определить

основные принципы функционирования уголовно-исполнительной системы в условиях переходного периода.

Последующая реформа уголовного и уголовно-исполнительного законодательства привела к появлению Уголовного (1996) и Уголовно-исполнительного (1997) кодексов, где были определены цели назначения и исполнения наказаний. Согласно ст. 1 УИК РФ уголовно-исполнительное законодательство имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, а основными задачами уголовно-исполнительного законодательства являются, помимо регулирования порядка и условий исполнения и отбывания наказаний осужденных, охрана их прав, свобод и законных интересов, оказание осужденным помощи в социальной адаптации и определение средств исправления указанных лиц.

В Уголовном кодексе 1996 г. в ч. 2 ст. 43 определены цели уголовного наказания – восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; предупреждение совершения новых преступлений. Сравнительный анализ целей наказаний, заявленных в УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г., демонстрирует, что:

- восстановление социальной справедливости как цель наказания ранее не выделялась, а ее содержание на сегодняшний день ввиду отсутствия раскрытия этого термина законодателем является абстрактным, а учитывая и различные подходы к ее пониманию в научных дискуссиях, и весьма спорным;

- заявленная в действующем УК РФ цель – исправление преступника трактуется более узко, по сравнению с УК РСФСР, где в качестве цели было заявлено еще и перевоспитание правонарушителя, при этом терминологическое содержание этих явлений, равно как и их критериев, свидетельствующих об их достижении, также не представляется.

Отсутствие раскрытия заявленных целей наказания в УК РФ свидетельствует о понимании законодателем указанных терминов как однозначных и не нуждающихся в дополнительной трактовке, а само «лексическое значение наименования целей уголовного наказания не сопоставляется с теми результатами, которые можно достигнуть при применении соответствующих уголовно-правовых мер государственного принуждения» [3, с. 159]. При этом научная дискуссия по поводу необходимости выделения целей наказания и их соотношения с целями уголовно-исполнительного законодательства носит разноплановый характер. Так, И. Я. Козаченко, исходя из целей наказания, заявленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ, полагает, что основная цель уголовного наказания – это устрашение лица возможностью подвергнуться каре в случае совершения им преступления, то есть речь идет прежде всего об общем предупреждении. Однако при этом, считает автор, ставить перед наказанием как уголовно-правовой категорией какие-либо цели является некорректным, так как наказание в своем статистическом состоянии никакой цели, кроме информационной, достичь не может. «Законодатель ближе к истине, замечая в тексте ч. 2 ст. 43 УК РФ – «наказание применяется в целях...». В связи с этим при соблюдении элементарной последовательности определенные цели можно ставить перед исполнением наказания, что является предметом регулирования Уголовно-исполнительного кодекса [4, с. 15–16]. Профессор И. Я. Козаченко сознательно выделяет именно «исполнение», подчеркивая, что цели отбывающего и цели исполняющих наказание чаще всего не только не совпадают, но и взаимоисключают друг друга.

Рассматривая ст. 1 УИК РФ, мы видим неопределенность подхода к целям назначения и исполнения наказаний – восстановление социальной справедливости не было упомянуто как цель уголовно-исполнительного законодательства. По мнению разработчиков действующего УИК РФ, осуждение лица за совершенное деяние олицетворяет

достижение такой цели наказания, как восстановление социальной справедливости, в то время как реализация таких целей, как исправление преступника и предупреждение совершения новых преступлений, достигается уже в процессе исполнения наказания, что формирует мнение о восстановлении справедливости не как о процессе, достижимом при исполнении наказания, а как об окончательном акте, определяемом судебным решением. С этой точкой зрения не согласен В. И. Селиверстов, который полагает, что уголовно-исполнительное законодательство направлено на обеспечение достижения целей, закрепленных уголовным законодательством, включая и восстановление социальной справедливости, а значит, ее достижение должно обеспечиваться в процессе исполнения уголовных наказаний [5, с. 15].

Рассматривая понятие «восстановление социальной справедливости», можно исходить из понимания, что указанная цель наказания достигается привлечением лица к уголовной ответственности за совершенное преступление и назначением ему наказания, но при таком упрощенном подходе, по мнению некоторых авторов, сама цель уголовного наказания подменяется целью процессуальной [6, с. 33]. При этом, если рассматривать восстановление социальной справедливости как приведение в исходное состояние нарушенных преступлением общественных отношений, такая цель довольно часто не может быть достигнута.

Спорность самого понимания, что собой представляет социальная справедливость и как она реализуется в процессе наказания, вызывает вполне понятные дискуссии. На сегодняшний день доминирует мнение, согласно которому под восстановлением социальной справедливости понимается кара или возмездие. Так, В. Е. Южанин полагает, что восстановление социальной справедливости как цели наказания требует, чтобы во время отбывания наказания «полноценно реализовывалась кара, а осужденный терпел все ограничения» [7, с. 11].

Автор согласен, что цели уголовно-исполнительного законодательства должны согласовываться с целями уголовного наказания, иное явно противоречит правовой логике, в то же время есть сомнение по поводу необходимости закрепления восстановления социальной справедливости как цели уголовного наказания ввиду спорности этого понятия и фактического его олицетворения с карой. Исходя из такой постановки вопроса представляется, что кара не может являться целью, а скорее есть содержание самого процесса наказания.

Рассматривая положение о возможности закрепления в УИК РФ такой цели, как восстановление социальной справедливости, и подразумевая под ним именно кару или возмездие, можно в определенной степени согласиться с М. Фуко, что именно лишение свободы наиболее ярко характеризует возмещение вреда за совершенное противоправное деяние [8, с. 280–281]. При этом есть вероятность и перекоса в мышлении при утверждении этого суждения, что именно лишение свободы выступает в качестве универсального вида наказания, некоего мерила между преступлением и наказанием, что уже имело место в нашей истории. Заявленный на государственном уровне принцип экономии уголовной репрессии предполагает «рациональный подход к использованию всей системы наказаний: не увлечение одним каким-либо видом наказания, например лишением свободы, а именно использование всей системы наказаний для достижения тех целей, которые стоят перед наказанием» [9, с. 91]. Экономия уголовной репрессии как важное направление уголовной политики должно основываться на оценке эффективности видов наказания, и здесь злободневными являются вопросы как о примене-

нии видов наказания – кратких сроков лишения свободы, штрафов, так и об оценке их назначения, в частности ввиду возможной излишней вариативности санкций.

Отождествляя восстановление социальной справедливости как заявленную цель наказания с возмездием или карой, стоит отметить, что в процессе либеральной эволюции взглядов на уголовное наказание произошел формальный отход в понимании приоритетов, преследуемых наказанием – от возмездия за совершенный проступок путем причинения страданий виновному лицу до исправления личности правонарушителя. Однако исправление личности, рассматриваемое с правовой точки зрения, представляет собой не более как прекращение его противоправной деятельности в дальнейшем, что свидетельствует об изменении взглядов на понимание идеи «самообороны общества» и о возвращении к идее о доминировании концепции специального предупреждения (в которой исправительное воздействие на преступника можно рассматривать с позиции реализации частной превенции) как основной цели наказания. Вместе с тем следует отметить, что в научной литературе иногда встречается мнение, что уголовное наказание не оказывает предупредительного эффекта на преступность. В связи с этим уместно вспомнить точку зрения М. П. Мелентьева, что если человек совершает преступление, то это прежде всего свидетельствует о том, что в отношении данного индивида общее предупреждение не дало результатов, но это не значит, что общая превенция неэффективна в отношении всех тех, кто преступления не совершил [10, с. 145].

Однако, рассматривая упомянутую в ст. 1 УИК РФ такую цель уголовно-исполнительного законодательства, как предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, представляется, что такая постановка проблемы не совсем логична, в первую очередь ввиду рассмотрения механизма общей превенции, которая достигается путем угрозы применения наказания, или, иначе говоря, психологическим устрашением наказанием (теория П. А. Фейербаха), а также путем повышения уровня правовой культуры и правосознания населения. С нашей позиции логичным было бы оставить упоминание об общей превенции наряду с частной как декларируемых целей наказания в Уголовном кодексе, но определив частную превенцию как основную цель, преследуемую уголовно-исполнительным законодательством. При этом возникают закономерные вопросы: возможно ли исправление в условиях принуждения, в частности в условиях мест лишения свободы, где изоляция – это ненормальное состояние, почти всегда переживаемое крайне болезненно и несущее угрозу самой жизни человека? Не является ли постановка такой цели наказания, как достижение исправления осужденных, фактически декларируемой, но практически недостижимой? Как оценить эффективность процесса исправления осужденных? Какие средства наиболее эффективны для достижения поставленного результата? Каковы критерии, свидетельствующие об успешности исправительного процесса?

Изначально цель исправления лица в процессе исполнения им наказания перед пенитенциарной системой не ставилась, основной задачей тюрьмы как наиболее жесткого и эффективного средства исполнения наказания являлось предупреждение новых преступлений лицом, ранее преступившим закон, и, конечно же, устрашение самим процессом наказания иных лиц, то есть речь шла о достижении частной и общей превенции. Появление в конце XVIII – начале XIX в. такой цели наказания, как исправление преступника, означало, что этот процесс рассматривался с точки зрения обеспечения государственной и общественной безопасности от дальнейших действий данного лица, то есть исправление преступника понималось как необходимое действие для достижения частной превенции. Отсюда и мнение ряда исследователей, что изначально име-

лось в виду «только юридическое исправление преступника, подчеркивая безразличное отношение государства к мотивам правопослушного поведения лица, отбывавшего наказание» [11, с. 41]. Вместе с тем очевидно, что достижение такой цели наказания, как исправление, является необходимым условием для реализации цели частного предупреждения. Еще А. А. Герцензон отмечал, что предупреждение совершения новых преступлений со стороны осужденного достигается путем исправления и перевоспитания, а, следовательно, цель частного предупреждения не имеет самостоятельного значения, так как она подчинена цели исправления и перевоспитания осужденного [12, с. 19–20].

Дискуссии по поводу определения целей уголовно-исполнительного законодательства продолжают иметь место. Существует точка зрения, что наличие нескольких целей наказания может затруднять их эффективность, поэтому требуется исходить из одной цели, наиболее достижимой. В частности, Ю. В. Баранов предлагает сделать такой единой целью уголовно-исполнительного законодательства ресоциализацию осужденного [13, с. 10]. Отмечая, что взгляд, по которому система исполнения наказаний должна базироваться на достижении цели ресоциализации преступников, не является новым и предлагается целым рядом авторов (С. А. Борсученко, Л. В. Яковлева и др.) для включения в качестве одной из целей, преследуемых процессом исполнения наказания, считаем спорным признание указанной цели как некой универсальной и достижимой в процессе исполнения наказания. Во многом такой подход обусловлен развернувшейся в западной научной среде дискуссией о доминирующей роли ресоциализационной модели при реализации наказания, которая исходит из определения, что само назначение наказания является фактом, порицающим преступника, а, следовательно, исполнение наказания не должно добавлять зла, а должно быть направлено на повышение социальной ответственности лица и создание условий для его последующей успешной реинтеграции в общество путем привития необходимых умений и навыков.

Таким образом, традиционная концепция обеспечения охраны общественных отношений посредством превентивного заключения правонарушителя, в ходе которого и происходит коррекция его последующего поведения, для законопослушного образа жизни теряет свой смысл. В связи с этим преступник предстает не как опасная личность, деятельность которой пресекается путем применения наказания, а как «социальная единица», нуждающаяся в помощи, и наказание уже не кара или возмездие, а средство, через которое общество реализует такую помощь. Подобное понимание исходит из эволюции основных положений «социальной школы» уголовного права, в которой главным лозунгом явилось утверждение приоритета – «не преступление, а преступник», а следовательно, «понятие преступника приобрело различные социально-типологические черты в охранительно-исправительной теории» [1, с. 181].

Необходимость совершенствования деятельности по социальной адаптации и созданию предпосылок для успешной ресоциализации осужденных демонстрируют материалы специальной переписи осужденных в местах лишения свободы, согласно которым довольно высок удельный вес осужденных, утративших социально полезные связи с семьей. Так, по материалам переписи 2009 г., почти 53 % осужденных до осуждения не учились и не работали, только 2,2 % из них имели официальный статус безработного, еще 49,7 % – вели паразитический образ жизни, не имея трудовых навыков. Для сравнения: по результатам специальной переписи осужденных 1999 г. было зафиксировано 56,3 % таких лиц, что, по мнению некоторых авторов, было прямо связано с глубоким экономическим кризисом 1990-х годов [14, с. 3]. Таким образом, поддержание и восстановление социально полезных связей осужденных к лишению свободы с семьей и

иным социально позитивным окружением, равно как и овладение профессиональными трудовыми навыками и повышение уровня образования, может стать одним из важных критериев оценки эффективности деятельности исправительного учреждения.

Закрепление ресоциализации в уголовном законодательстве как одной из возможных целей наказания кажется весьма закономерным по следующим причинам:

- либеральными тенденциями в эволюции уголовного права, при которых встает вопрос о реализации гуманного подхода к преступнику, в котором карательный элемент наказания носит второстепенный характер, а приоритетом является восстановление правонарушителем в ходе отбытия им наказания нарушенных этим процессом социально полезных связей, привитие навыков и умений, способствующих его социализации вне стен исправительного учреждения;

- отсутствие видимой эффективности традиционного подхода к пониманию сущности исправления осужденного, проблемы выделения критериев, позволяющих говорить о достижимости исправительного процесса в условиях социальной изоляции.

Однако довольно часто, отмечая приоритет ресоциализации как цели наказания, многие авторы не разграничивают ее от исправления, смешивая и подменяя указанные процессы. Так, М. П. Мелентьев, говоря, что ресоциализация осужденных является основной целью исполнения наказания, понимает ее как «процесс, который стимулирует становление осужденного на жизненную позицию, отвечающую конституционным нормам, определяющим права, свободы и обязанности граждан» [10, с. 144]. С. А. Борсученко представляет ресоциализацию осужденных как ряд мер нравственно-социального характера, направленных на исправление личности с антиобщественной манерой поведения [15, с. 75]. Такой подход, имеющий место в научной литературе, обобщает два процесса, различных по своей направленности, – исправление осужденных, который ставит своей целью изменение поведения лиц для его последующей законопослушной жизни и непосредственно ресоциализацию, под которой мы понимаем приобретение навыков и умений, позволяющих успешно адаптироваться к жизни вне стен исправительного учреждения и тем самым минимизировать возможные риски в виде последующего рецидива. Такое обобщение во многом связано с наличием общих средств, реализуемых в ходе этих процессов. Так, реализацию процесса ресоциализации в условиях лишения свободы трудно представить без получения осужденным общего и профессионального образования, но эти средства согласно ч. 2 ст. 9 УИК РФ заявлены и как основные средства исправления.

В настоящее время в деятельности уголовно-исполнительной системы ресоциализация понимается более узко. Так, согласно п. 14 Положения о группе социальной защиты осужденных ИУ УИС определены следующие задачи, которые в той или иной степени относятся к ресоциализации осужденных:

- выявление и решение социальных проблем осужденных, оказание им дифференцированной социальной помощи, координирование деятельности других служб исправительного учреждения в решении данных вопросов;

- подготовка осужденных к освобождению, организация занятий в школе подготовки осужденных к освобождению, привлечение к их проведению заинтересованных служб учреждения, муниципальных социальных служб;

- содействие в становлении и укреплении социально полезных связей осужденных, их трудовом и бытовом устройстве после освобождения, решении вопросов, связанных с пенсионным обеспечением осужденных;

- оказание консультативной помощи осужденным в подготовке необходимых документов для получения паспорта, а также принятия мер по получению документов, подтверждающих их право на социальное обеспечение;

- привлечение специалистов различных служб социальной защиты населения к оказанию помощи осужденным, в том числе консультативной;

- привлечение общественности к решению социальных проблем осужденных, в том числе в трудовом и бытовом устройстве после освобождения из исправительного учреждения.

На наш взгляд, деятельность по ресоциализации лица можно разделить на следующие направления:

- образовательное – получение необходимых образовательных и профессиональных навыков и умений, необходимых в условиях внешней социальной среды;

- информационное – осуществляемое как доведение необходимой информации до сведения осужденного, которая может помочь ему успешно социализироваться после освобождения, так и оказание помощи в поиске работы и места проживания, восстановлении необходимых документов и т. д.;

- индивидуально-адаптационное – помощь в восстановлении социально положительных связей с близким кругом лиц, находящихся вне стен исправительного учреждения, могущих оказать устойчивое влияние на осужденного после выхода его на свободу, путем организации свиданий, проведения сеансов видеосвязи, участия в совместных мероприятиях, проводимых администрацией учреждения, и т. д.;

- терапевтическое – реализация медицинских и психотерапевтических программ при наличии у лица в анамнезе различного рода устойчивых зависимостей (наркомания, алкоголизм и т. д.).

Осуществление процесса ресоциализации осужденного предполагает наличие противоположных тенденций – изолируя правонарушителя в места лишения свободы, мы, с одной стороны, разрываем его связи, в том числе и положительные, принудительно изменяем его окружающую среду и, следовательно, сферу взаимодействия, с другой – ставим цель последующего его включения в эти положительные связи, нарушенные условиями изоляции.

Еще одной проблемой является то, что сам процесс исполнения наказания до сих пор во многом строится на инструментальном подходе к работе с осужденными. Осужденный в лучшем случае рассматривается как объект исправительного воздействия, а не как субъект, «который должен быть включен в процесс решения проблем, определяющих его дальнейшую судьбу» [16, с. 244].

Рассматривая постановку ресоциализации как единственной цели наказания, следует отметить, что этот процесс для осужденного не заканчивается моментом его выхода за пределы исправительного учреждения. Наряду с пенитенциарной ресоциализацией, реализуемой в условиях исправительного учреждения, важное место в системе профилактики рецидивной преступности занимает организация постпенитенциарной ресоциализации, которая включает в себя адаптацию лица к новым условиям жизни в обществе после отбытия им наказания. Сама сфера действия уголовно-исполнительного законодательства в этой части весьма ограничена, так как последнее регулирует только отношения, связанные с исполнением (отбыванием) наказания, в то время как процесс ресоциализации выходит за эти рамки. Определяя ресоциализацию осужденного к условиям жизни после отбытия им наказания как несомненно важное направление деятельности по профилактике рецидива, мы рассматриваем его лишь как одно из на-

правлений деятельности учреждения и органов исполнения наказаний, регламентированное в нормативно-правовых документах, которое не является полностью достижимым и завершенным в процессе проведения подобных мероприятий только в стенах исправительного учреждения.

Исходя из исследуемых целей наказания полагаем, что конечной и главенствующей целью уголовно-исполнительной политики является предупреждение совершения новых преступлений осужденным (специальная превенция), которое обеспечивается путем реализации комплекса наиболее эффективных мер в процессе индивидуально-исправительного воздействия на лицо, отбывающее уголовное наказание, что подразумевает наличие ряда частных целей, необходимых для достижения приоритетной. В качестве таких частных целей выступают организация исправительного воздействия и организация деятельности по ресоциализации осужденного, осуществляемая администрацией исправительного учреждения в ходе исполнения лицом наказания. Реализация частных целей способствует достижению приоритетной. На частное предупреждение ориентированы все нормы уголовно-исполнительного законодательства, устанавливая такое содержание правоотношений, которое затрудняло или исключало бы возможность совершения преступления (первоначальный этап), а в перспективе – достигало бы формирования социально одобряемых свойств и качеств личности осужденного как основы для формирования законопослушного образа жизни, создания предпосылок для процесса успешной социализации лица после его освобождения из мест лишения свободы.

Таким образом, понимая уголовно-исполнительную политику как комплекс эффективных и практикоориентированных мер государства по реализации целей уголовно-го наказания в деятельности учреждений и органов исполнения наказаний, в основе которой находится соблюдение баланса принуждения и убеждения, мы полагаем, что эффективность реализации этих мер основана на следующих взаимообусловленных «теоретических началах»:

- во-первых, признание карательной сущности наказания, обусловленной изоляцией правонарушителя от привычной социальной среды, что, с одной стороны, ведет к реализации частной превенции – предупреждению или по крайней мере минимизации дальнейшего криминального поведения конкретного осужденного, с другой – позволяет индивидуализировать и дифференцировать процесс исполнения наказания для достижения цели исправления лица;

- во-вторых, понимание сочетания мер убеждения и принуждения как основы исправительного воздействия на осужденного, осуществляемых посредством как ограничительных требований режима и надзора исправительного учреждения, так и иных мер воспитательного воздействия на осужденного;

- в-третьих, индивидуализация и дифференциация процесса исполнения наказания исходя из половозрастных особенностей, степени общественной опасности, уровня криминальной зараженности и т. д., которая отражается и на специфике мер исправительного воздействия осужденного;

- в-четвертых, наличие элементов прогрессивной системы (или системы социальных лифтов) исполнения наказаний, позволяющих осужденному изменить условия своего нахождения внутри пенитенциарного учреждения (переход на облегченные условия содержания или наоборот), а также предусматривающих досрочное освобождение из мест лишения свободы;

– в-пятых, признание длительности процесса ресоциализации правонарушителя, который, начинаясь в процессе исполнения наказания (освоение трудовой специальности, восстановление социально значимых связей, определение места жительства и возможного трудоустройства и т. д.), не завершается его выходом из пенитенциарного учреждения. Обеспечение планирования и контроля этого процесса в условиях общества вне стен исправительного учреждения как направления деятельности, позволяющей повысить эффективность социальной адаптации лица, позволит снизить риски возможного рецидива и будет способствовать реализации цели наказания, выделяемой нами в качестве приоритетной. Вместе с тем данное направление выходит за рамки деятельности уголовно-исполнительной системы на сегодняшний день, но в дальнейшем, возможно, получит свое развитие в рамках расширения деятельности службы пробации, если таковая будет создана на базе имеющейся системы уголовно-исполнительных инспекций.

Библиографический список

1. Радбрух Г. Философия права. М. : Междунар. отношения, 2004. 240 с.
2. Маннс Г. Ю. Общее и специальное предупреждение в уголовном праве. Иркутск : Власть труда, 1926. 82 с.
3. Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития : монография / под ред. В. Ф. Лапшина. М. : Юрлитинформ, 2018. 408 с.
4. Козаченко И. Я., Козаченко Е. Б. Уголовно-правовая калькуляция цели уголовного наказания // Наказания в условиях гуманизации уголовной политики России : сб. материалов межвед. науч.-практ. семинара. Вологда : Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2011. С. 15–16.
5. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснование теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 80 с.
6. Бытко С. Ю. Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания : монография. М. : РПА Минюста России, 2014. 136 с.
7. Южанин В. Е. О ресоциализации осужденных как цели процесса обеспечения реализации наказания в виде лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 32. С. 9–15.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 383 с.
9. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М. : Юридическая литература, 1973. 287 с.
10. Мелентьев М. П. Проблемы разработки Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Мелентьев М. П. Избранные труды. Рязань : Академия ФСИН России, 2007. 300 с.
11. Уголовно-исполнительное право : учебник : в 2 т. / под ред. Ю. И. Калинина. 2-е изд. М. : Логос, 2006. Т. 1 : Общая часть. 598 с.
12. Герцензон А. А. Основные положения Уголовного кодекса РСФСР 1960 года. М. : Госюриздат, 1961. 60 с.
13. Баранов Ю. В. О целях уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1. С. 8–19.

14. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных 2009 г.) / науч. ред В. И. Селиверстов. М. : Юриспруденция, 2010. Вып. 1. 18 с.

15. Борсученко С. А. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 2. С. 74–79.

16. Голодов П. В. Процесс ресоциализации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы: контекстный подход // Социальная работа в свете новых Европейских пенитенциарных правил: теория и практика : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 23–24 апр. 2007 г.). Вологда : Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2007. С. 243–248.